

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОЛОКОЛОВ В ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ГОРОДА

В течение тысячелетнего периода в культурной жизни Европы сложились устойчивые традиции практического применения колокольных инструментов. По свидетельству многих исторических источников, начиная с эпохи средневековья статус колоколов в социуме неуклонно повышался. За несколько столетий сформировался уникальный исполнительский контекст, выделивший их из числа прочих европейских инструментов. Мощное и красочное звучание колоколов, соответствовавшее потребностям общественной практики, привело к закреплению их в памяти нескольких поколений как уникальных инструментов наружного применения, размещенных на подколокольных сооружениях высоко над землей и предназначенных для широкой аудитории.

Колокол был официально признан не только "знаком церкви" ("signum ecclesiae") наряду с крестом, но более того – аудиовизуальным символом европейской культуры в целом. Многообразие значений колоколов и их звона в культурной жизни отмечали многие кампанологи: "...герои и мученики, глашатаи и стражи, музыканты и летописцы – на таких ролях утвердились колокола в европейской истории" [7, с.65].

Одно из проявлений колокольности (понятие, введенное нами для обозначения всей совокупности характерных свойств и потенциальных возможностей колокола как артефакта) состоит в том, что колокола, с одной стороны (подобно другим инструментам), принадлежат сфере художественной культуры, с другой – их практическое применение выходит далеко за ее рамки в пространстве жизнедеятельности социума. В данном расширенном контексте они словно балансируют на границе "музыки–немузыки". Колокола рассматриваются как один из каналов, через который их звучание выходит в более широкую, чем искусство, сферу культуры, и наоборот, духовные ценности находят в колокольности

свое конкретно-художественное воплощение. Более того, колокол, трактуемый в значении социокультурного коммуниканта, приобретает иной масштаб, превосходящий рамки художественной практики. Он интерпретируется шире – как художественный предмет, обладающий всей сложностью и многозначностью социокультурного феномена. А это, в свою очередь, предполагает расширение ракурса исследования за счет применения научных подходов и теоретической базы культурологии, истории, богословия.

Церковные колокола (и их звучание) проникали в различные сферы жизни социума – богослужение и повседневный быт, светский официоз (церемониал) и уличные концерты. Каждая из них может быть интерпретирована как отдельный культурный контекст, образующий своеобразное "информационное поле", "соотнесение с которым... позволяет актуализировать и осмыслить сущностные характеристики" и социальную значимость колоколов [4, с.47]. Совокупность же всех контекстов формирует особое коммуникативное пространство культуры социума. Колокола по мере включения их в это поле укоренялись в социуме. В то же время, "внедряясь" в ту или иную модель культуры, они испытывали ее влияние. В результате своеобразной "культурной идентификации" колокола инкультурировались. Социализация и инкультурация – два тесно связанных между собой процесса, свидетельствующих о придании колоколам статуса репрезентантов культурных ценностей и традиций той или иной эпохи, региона [8, с.32]. Помещенные в пространство социокультурного общения, колокола начинают интерпретировать как культурные коммуниканты, а колокольный звон – как сообщение (зашифрованное или художественное). Каждый из них обладает важными культурными свойствами: первые – функциональностью, вторые – семантической и ценностью.

Начиная с IX в. в микрокосме европейского города складывалась новая культурная коммуникация, в которой церковным колоколам отводились все более важные роли не только в храмах, но и в миру. При формировании их новых функций "...светские едва ли не превосходили по разнообразию церковные" [7, с.64].

Рассмотрим основные группы светских функций колоколов, их истоки, содержание, назначение. Установленный нами функциональный ряд включает следующие группы: сигнально организующую, времяизмерительную, специфические "урочные звоны", репрезентативную, летописную.

Наиболее многочисленная функциональная группа – сигнально организующая (регулятивно проектирующая). Сформировавшись в культурах древнего мира, простая колокольная сигнальность была преобразована в христианской Европе (в соответствии с новым жизненным укладом) в сложную многозначную группу. Первоначально, преследуя чисто утилитарные цели, колокольная сигнальность завоевывала новые культурные пространства, проникая в городской быт, церковную жизнь.

В первых средневековых монастырях звуком колокольчика собирали монашескую братию к трапезе. Позднее дежурный монах или настоятель с колокольцем в руке, обходя территорию, оповещал всех о начале храмовой службы. С оснащением храмов большими колоколами сфера их коммуникативного применения расширилась: звон служил сигналом к началу богослужения уже для всех христиан города и его окрестностей. В процессе общения изменялось содержание звукового сообщения: каждый горожанин, зная час начала храмовой службы, мог приблизительно определить время дня. На протяжении нескольких веков сложилась традиция обозначать звучанием церковных, а затем и светских колоколов события общественной и личной жизни человека (по Ле Гоффу, "регламентировалась жизнь всех людей"). Именно тогда колокольный звон начали осознавать "единственным средством отсчета дневного времени" [5, с. 170].

Один из каналов интеграции колоколов в социум, расширивших сферу сигнальности, – организация новых жизненных процессов общества. В особую группу выделились многочисленные звоны специального предназначения, именуемые урочными. В нее входят социально осмысленные сигнальные звучания, оповещающие о жизненно важных для городских обывателей делах. По звуку колоколов тушили огни, запирали городские ворота, отходили ко сну. Во многих городах Европы колокольными ударами размеряли ритм трудового дня: время работы и отдыха, торговых сделок и т.д.

Переход от простой сигнальности к урочным звонам свидетельствует о формировании новой разновидности этой функции, которую определим как проектирующе-регулятивную. Апеллирующие к трудовому населению специальные звоны планировали и организовывали как общественный труд, так и индивидуальную бытовую жизнь человека, ориентируя его на соционорму: "Каждая минута дня, каждое важное действие были

обозначены особенным колокольным звоном ...чтобы призвать каждого к работе или к исполнению обязанности" [6, с. 237–238]. Этот канал связи был повсеместно распространен в городах Западной Европы вплоть до XIII в.

Дальнейшее развитие урочных звонов свидетельствовало о новом понимании сигнальности в XIVв., что было связано с разнообразием форм социальной практики. В каждом конкретном случае урочные звоны должны были отличаться друг от друга настолько, чтобы быть узнаваемыми всеми горожанами. Их специфика выражалась посредством семантизации колокольного звучания.

Новые значения "гражданского смысла" колокольных звучаний нередко закреплялись в образных названиях самих урочных колоколов: вечевой, набатный, путевой, буревой, метельный, маячный, судовой (рында), почтовый. Встречались и более характерные наименования, например страсбургский "колокол смерти" (по аналогии с русским вечевым) извещал горожан об опасности, призывая к оружию, "кровавый колокол" Кёльна – о начале судебного разбирательства, британский "колокол бедного грешника" – о казни осужденного, "колокол позора" в некоторых городах Европы – о банкротстве [7, с. 65, 35–36]. Лозаннский колокол "милосердие" напутствовал преступника в последний путь [6, с. 46].

С появлением в XIVв. городских часов ("звонящих башен" с боевыми часами) функция урочных колоколов не утратила актуальности еще долгое время. Так, например, в XVв. звоном биржевого колокола в Антверпене отмечали начало и конец торгового дня. Нарушение установленного регламента каралось штрафом в 25 су, а "...дела, заключенные в бирже после звона колокола", постановили "считать недействительными" [6, с.240]. В XVIIIв. в Женеве звоном сопровождалось публичные наказания "за преступление второй важности". Так, например, был высечен кнутом "...парижский сапожник, обвиняемый в том, что укусил и отрубил палец у другого сапожника" [6, с.47].

Семантизация колокольных звонов (придание им значения осмысленного художественно-культурного послания) в условиях расширения пространства социокультурного общения была вызвана необходимостью создания понятного всем языка коммуникативных сообщений, закрепляющего в сознании человека

новые модули поведения. Начиная с XIV в. на протяжении нескольких последующих столетий урочные колокола-аудиокоммуниканты выполняли функцию организатора жизненного пространства, регулятора культурных процессов. Интересный пример семантизации колокольных звучаний приводит известный кампанолог Н.Оловянишников. В городах Фландрии по традиции пожарные колокола размещали на каланче, пристроенной к ратуше. Но при отсутствии ратушных нередко использовали церковные колокола. При необходимости их (т.е. пожарных колоколов) звучанием отмечали "приветствование королевского въезда или возвешение важных событий" [6, с. 238]. О смысловых различиях звукового сообщения в каждом конкретном случае имелись особые указания магистрата: "...звон, обозначающий тревогу, будет сильно отличаться от звона, употребляющегося в случае пожара; что в последнем случае не будет употребляться колокол, предназначавшийся для этого ранее, а будут звонить в колокол, который с башни Notre-Dame обозначал до сих пор получасовое время" [6, с. 239].

Репрезентативность – широко понимаемая общественная функция не только колокольных звонов, но и самих колоколов. В рамках этой более сложной (в сравнении с сигнальностью) функции актуализируется не только звуковой спектр выразительности, но весь его аудиовизуальный потенциал.

Аудиальная форма репрезентативности начала складываться в период позднего средневековья в значении звукового сопровождения официального гражданского церемониала: праздников, встречи знатных гостей, чествования военных побед, свадебных и траурных церемоний и др. Рассмотренный в контексте художественной культуры колокольный "звон-презентант" трактовался как своеобразная "уличная музыка", "поющее пространство", "насыщенно звучащая атмосфера". Звучание колоколов-презентантов постепенно закреплялось в сознании обывателей в значении образного языка культуры.

Визуальная репрезентативность разнообразна. Корпус больших колоколов нередко покрывался изукрашением, отдельные элементы которого (рельефные фигуры, гербы, орнамент, надписи и др.) выполняли функцию "культурного представителя" эпохи.

Репрезентативен сам колокол в первую очередь как ценный художественный предмет, обладающий широким спектром

аудиовизуальной выразительности. Колокол-артефакт реально свидетельствовал о благополучии и процветании города или державы, богатстве и знатности правителя, незыблемости традиционного уклада жизни, национальном самосознании и консолидации, независимости и свободы.

Культурно маркирующая значимость репрезентативности начала складываться еще в средние века. В числе первых репрезентантов европейской культуры были гербы и геральдические фигуры, имевшие значение символа или знака (insigne) родовитых фамилий. Своеобразие гербов отражает "...общее мировоззрение, направление художественного вкуса и глубоко вкоренившиеся особенности каждого народа..." [1, с. 32]. С XV в. гербы встречаются на церковных колоколах. Но особенно большое применение они получили на надгробных памятниках [1, с. 112]. Церковные колокола, будучи знаком церкви, сами занимали высокое место в иерархии культурных ценностей. В эпоху Возрождения их начинают использовать в ином значении – как носителей гербовых рельефов аристократических фамилий.

Дальнейшее развитие колокольной репрезентативности представлено рядом российских исторических колоколов XVI–XVIII вв., объединенных общим названием “царские колокола”. Придание церковным колоколам дополнительной гражданской функции, представленное в приведенных примерах, свидетельствует об интенсивности процесса их обмирщения.

Само понятие "царский колокол" (равно как и "патриарший" или "боярский") репрезентативно. Среди прочих колоколов царские выделялись гигантскими размерами (это были самые большие колокола в стране), богатым литым изукрашением и мощным звучанием. На их корпусе разрешалось изображать российский герб, а также гравированные портреты царствующих особ.

Каждый русский самодержец начиная с XVI в. по традиции начинал свое правление с отливки колокола-гиганта за счет казны. Его размещали в колокольном подворье Московского Кремля и использовали в качестве Большого Благовестника. Функция такого колокола, как правило, ограничивалась репрезентативностью. Он звонил редко: "...в царские дни во здравие отлившего его государя, а после кончины самодержца – за упокой" [7, с. 72], а также "...в большие праздники, также когда приезжают из чужих краев послы и бывают допускаемы к Великому Князю" [6, с.41]. Каждый

следующий правитель либо переплавлял царский колокол в новый, более тяжелый, либо "понижал его в ранге" до звания праздничного, воскресного и т. д. По аналогии с царскими отливали патриаршие и боярские колокола.

Высокой культурно маркирующей значимостью колоколов объясняется обычай их пленения, а также стремление спасти их от врагов любой ценой. Так, в сохранившемся тексте песни турок, воевавших против Византии, есть строки, специально посвященные желанному трофею, – 62 колоколам Софии в Константинополе.

Тесно связана с репрезентативностью специфическая функция сохранения культурно-исторической информации, условно названная нами летописной. Она связана с возможностями визуальной выразительности колоколов. Из информационно содержательных элементов изюбраса в первую очередь выделим словесный текст (гравированный или литой, краткий или развернутый), исторические даты. Определенную информацию несут рельефные изображения святых и коронованных особ и др. Уровень художественного исполнения изюбраса для данной функции не имеет определяющего значения. Существенным представляется содержательно-смысловой ряд коммуникативного сообщения.

Первые надписи, вырезные, предположительно относятся к VII в.: при слабо развитой технике литья наружная поверхность корпуса оставалась гладкой, художественно не проработанной.

Колокольное декорирование достигло расцвета в пору готических соборов, строительство которых растягивалось на десятилетия, а порой – столетия. По афористичному замечанию В.Гюго, "...здесь время – зодчий, а народ – каменщик" [3, с.96]. Он же оставил гимн христианскому собору, и в то же время точное определение его функционального назначения в мире: "До XV столетия зодчество было главной летописью человечества, за этот промежуток времени во всем мире не возникало ни одной хоть сколько-нибудь сложной мысли, которая бы не выразила себя в здании; каждая общедоступная идея, как и каждый религиозный закон, имела свой памятник; все значительное, о чем размышлял род человеческий, он запечатлел в камне. А почему? Потому что всякая идея, будь то религиозная или философская, стремится увековечить себя; иначе говоря, всколыхнув одно поколение, она хочет всколыхнуть и другие и оставить по себе след. ...Здание –

это... книга, прочная, долговечная и выносливая!" [3, с. 158–159]. Продолжая мысль писателя, заметим, что колокол как элемент христианского собора можно сравнить с раскрытой "бронзовой книгой", в которую колокольными письменами (в соответствии с духом времени позднего средневековья) вписаны послания прошлого будущему. Именно в лоне христианской церкви формировалась колокольная функция сохранения исторической информации для будущих поколений.

С началом эры книгопечатания в XV в., когда "...каменные буквы Орфея заменяются свинцовыми буквами Гуттенберга" [3, с.159], способ передачи информации изменился: собор-книга уступила первенство печатной книге. Тем не менее функция колоколов-летописцев не только не ослабела, но, наоборот, активизировалась.

Вся совокупность колокольных текстов, имеющих статус достоверных документов, сравнима по культурному значению с летописями либо историческими хрониками. Гарантом достоверности сообщений служил высокий авторитет колоколов в христианском мире. Ценную культурно-историческую информацию, размещенную на колоколах, можно разделить на несколько групп:

а) данные о самом колоколе (его вес, материал, дата отливки);

б) сведения о его создателях и заказчике, о поводе изготовления и др. В России помещение имени мастера на корпусе считалось до XIX в. знаком особой царской милости лучшим литейщикам Пушечного двора. Позднее (в XIX в.) на больших колоколах и даже маленьких ямских колокольчиках, как правило, ставили клеймо колокололитейного предприятия.

Содержание надписей должно было засвидетельствовать, что колокола заказывали в честь значительного события гражданской или церковной жизни, в память об усопших близких (родителях, детях), как прошение о прощении грехов. Названия некоторых дорогих колоколов в России указывало на заказчиков – царские, годуновский, патриаршие, боярские и др.;

в) некоторые тексты служили прямым или косвенным источником информации о духовных ценностях, культурных традициях, нравах и обычаях эпохи.

На Западе колокольным звоном провожали преступников на казнь. Об этом сохранились исторические сведения: "колокол преступников" в Берне «внутри содержит настоящую "красную книгу", так как имена несчастных, сопровождаемых похоронными звуками тоски и смерти, выгравировывались по мере того, как их казнили» [6, с. 46].

Своеобразие грамматической формы надписей на западных колоколах указывает на их персонификацию. Нередко текст коммуникативного сообщения составлялся от первого лица, т. е. от имени самого колокола. Приведем известный текст 1493г. на колоколе церкви св. Женевьевы в Женеве, гласящий: «Хвалю и призываю Бога! Оплакиваю мертвых. Тушу пожары. Обращаю в бегство демонов» [6, с. 62].

Традиция запечатлеть общественно важные сентенции от лица колоколов была характерна только для Запада. У восточных славян колокольные надписи не персонифицировались.

Увеличение размеров колоколов (а в данном случае нас интересует увеличение площади их поверхности) дает возможность составлять пространные текстовые сообщения. Подробные надписи – источник ценного материала о национальных обычаях и культурных традициях. Эта тенденция так же, как и литье больших колоколов, более характерна для России, чем для стран Запада.

Эстетическая функция принципиально отличается от рассмотренных выше с точки зрения определения ее первичных импульсов, сферы обращения, содержания сообщений. Колокольность сложилась в культурах древнего мира как функция второго плана, эстетизирующая культурное пространство социума. Путь колоколов из сферы повседневности к свободе искусства, от эстетизации к эстетике – наиболее характерный пример историзма и диалектичности колокольных функций.

Формирование сигнальной, репрезентативной и летописной функций детерминировано повседневными запросами, нередко простыми бытовыми нуждами. Мотивационная доминанта эстетической функции иная. Это свойственное человеку во все времена врожденное стремление к художественному освоению мира. Насущным жизненным потребностям в первом случае противопоставлены высокие духовные индивидуально-личностные запросы человека и его стремление к совместной художественно-практической деятельности.

Сильное эстетическое впечатление, производимое колокольным звоном на современников, нашло отражение в художественной, мемуарной и научной литературе XIX–XX вв. (Г.Гейне, М.Глинка, Ф.Лист, Н.Римский-Корсаков, С.Рахманинов, Э.По, А.Чехов, А.Цветаева, Н.Шмелев, Т.Манн, О.Мандельштам, С.Смоленский, Б.Асафьев, К.Сараджев и др). Эмоционально-образное описание долгожданного трезвона в пасхальную ночь оставила А.Цветаева, когда вслед за первым ударом колокола с Ивана Великого "все колокола Москвы и всех московских окрестностей заголосят, заликуют неслыханным хоровым трезвonom, испуская в черную, как глухое сукно, ночь такое количество звуков, что, перегоняя все горелки детских игр и все симфонические концерты старших, перезванивая колокольным сияющим щебетом все колокольчики русских дорог и все весенние рощи, звуки. Захлебнувшись собой, вырвутся из своего царства..." [9, с. 63].

Эстетическая функция колоколов проявляется повсеместно и столь разнообразно, что представляется целесообразным рассмотреть ее с двух точек зрения – в более широком и узком значениях. В соответствии с первым в ней выделяют эстетизацию всех сфер культуры социума в совокупности.

Эстетизация колоколов стимулировала формирование нового коммуникативного языка, а именно художественно-образного языка колокольного искусства. Его опора – в интонационном фонде эпохи (определение Б.Асафьева). Современный историк-кампанолог отмечает: "В XVII в. русский колокольный звон имел такое большое эмоциональное значение, что его целесообразно рассмотреть в русле общих тенденций русской музыкальной культуры в целом" [2, с.12].

По отношению к другим функциям эстетическая может выступать в значении прикладной, дополняющей послания сигнальности, репрезентативности и др. Трансформируясь в христианской Европе в самостоятельную эстетическую функциональность, она проявилась в полной мере в сфере художественного творчества (карильонные концерты, и др.). Процесс формирования эстетической функции колоколов завершился на рубеже XV–XVI вв. введением полного часозвона, а затем концертной практикой карильона на Западе, а также нелитургическими праздничными звонами в православии. Эстетизация колоколов и формирование своеобразной "колокольной

музыки" – свидетельство нарастания тенденции антропоцентризма в европейском искусстве.

1. *Арсеньев Ю.* Геральдика: лекции, читанные в Московском археологическом институте в 1907–1908 годах. – М.: ТЕРРА – книжный клуб, 2001. – 384 с.

2. *Бондаренко А.* Московские колокола. XVII век. – М.: SPSL; Русская панорама, 1998. – 256 с.

3. *Гюго В.* Собор Парижской Богоматери. – Мн.: Беларусь, 1978. – 446 с.

4. *Закс Л.* Музыка в контексте духовной культуры // Критика и музыковедение: сб. ст. – Л.: Музыка, 1987. – Вып. 3. – С. 46–68.

5. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. – М.: Прогресс – Академия, 1992.

6. *Оловянишников Н.* История колоколов и колоколотейное искусство. – 2-е изд., доп. – М.: Изд. П.И.Оловянишникова сыновья, 1912. – 435 с.

7. *Пухначев Ю.* Колокол // Наше наследие. – 1991. – № 5. – С. 5–20.

8. *Садохин А.* Межкультурная коммуникация: учеб. пособие. – М.: Альфа-М; ИНФА-М, 2004. – 288 с.

9. *Цветева А.* Воспоминания. – М.: Сов. писатель, 1983. – 768с.